

Кредо истинного благородства: «В уединенье выплавить свой дух...»

Сложно сказать, являлась ли эта строка подлинным кредо Максимилиана Волошина, но то, что она вписана в поля русской поэзии, свидетельствует о жреческом предназначении поэзии оной.

Лабиринты Волошина пространны, в них легко дышится, и тайна мира, его космоса раскрывается великими формами и формулами созвучий:

Серый шифер. Белый тополь.

Пламенеющий залив.

В серебристой мгле олив

Усечённый холм — Акрополь.

Ряд рассеченных ступеней,

Портик тяжких Пропилей,

И за грудами камней

В сетке лёгких синих теней

Искры мраморных аллей.

Помимо всего прочего дело красоты — возвышать дух людей, настраивать души на такой лад, когда кропотливая мелочь повседневной рутины остаётся далеко внизу. Волошин, созидавая сад стихов, демонстрировал это с блеском.

Греция и Рим, европейская культура, каменный пламень готики, русская история световыми потоками пронизали через его стихи, каждый раз несколько иначе раскрывая свою реальность.

Простота и необыкновенность любви земной предстаёт в совершенной огранке, как ювелирное изделие:

Как Млечный Путь, любовь твоя

Во мне мерцает влагой звездной,

В зеркальных снах над водной бездной

Алмазность пытки затая.

Словно звёздный каталог, раскидываются перед нами стихи Волошина, и, войдя вслед за ним в Руанский собор, можно ощутить и материально-духовный подвиг строителей, и молитвенные усилия многих, ушедших в неизвестность поколений.

Волошин-мистик.

Волошин-жрец.

Волошин земной и крепкий, исходивший тысячи дорог, несущий в себе огонь такой человечности, какая лучше всего выражена строками:

А я стою один меж них

В ревушем пламени и дыме

И всеми силами своими

Молюсь за тех и за других.

Подлинность стиха, как откровение молитвы, и капсула формы, не допускающая расхлябанности, не позволят никого обмануть.

Поэтические перламутры Волошина сверкают и матово мерцают, испуская силу, для измерения которой не изобретено ещё приборов, и сила эта противоречит банальному дыханию смерти.

Прохождение единой сквозной мысли через сумму стихотворений «Пути России» подвергнуто вибрациям от соприкосновения с бездной времени.

Но все стихи этого цикла брызжут разнообразием цвета: точно Волошин-живописец определяет здесь тугую поэтическую струну.

...рвутся гроздь рябины, и торжествующая драгоценная ноша золотого и лилового заката опускается ниже и ниже, роняя серые и оливковые тени; полыхает зелень, и реки, синяя и отливая серебром, утекают прямо в страну небес.

«Стенькин суд» столь же неистов, сколь сулит откровение поднимающийся из мистических вод Китеж.

Китеж — глобальный терем русской всеобщности.

Китеж — вечно живая надежда в безнадежно рушащемся мире.

Из живых языков огня лепившиеся стихи, сходящиеся в грандиозный свод русской трагедии и величия.

(Интересно вообразить бушующий волошинский стих, живописующий последующие события с мощным русским в них участием).

И разверзлся всей силой Аввакум, вмещённый в поэму! Нет, выхлестывающий, рвущийся из неё, до рождения видевший солнце, разверстое, как кладезь...

Хляби, пепел, беды адовы...

Но «Пути России» вздымаются в небеса мистическим столпом, столпник которого — само солнце.

У него был огромный размах — великолепная тематическая амплитуда: от «Кастаньет» до «Святой Руси» — с извечной мерой мастерства, никогда не нарушаемой: Волошин гранил стихи ювелирно, насыщая их таинственными волнами субстанции поэзии; которую чувствовал сердцем сердца.

...он врвался в недра ветхозаветной тематики, открывая там новые яруса поэзии, новые её этажи и рубежи:

Восставшему в гордыне дерзновенной,

Лишённому владений и сынов,

Простёртому на стогах городов

На гноище поруганной вселенной, —

Мне — Иову — сказал Господь:

«Смотри:

Вот царь зверей — всех тварей завершенье,

Левиафан!

Тебе разверзну зренье,

Чтоб видел ты как вне, так и внутри

Частей его согласное строенье

И славил правду мудрости моей.

При шаровой мощи стиха в Волошине не было и толики богоборства: он очевидно воспринимал мир производной божественной любви: и воспевал, воспевал предложенное: сколь бы тяжела ни была история, как бы ни вели себя люди...

